

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО

М. ЖУРАВЛЕВА

О ЧЕМ ПЕЛА СКРИПКА...

19 ЯНВАРЯ 1920 ГОДА ПО РЕШЕНИЮ ВРК И ПАРТИЙНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ТОПКАХ БЫЛ ПРОВЕДЕН ВНЕОЧЕРЕДНОЙ СУББОТНИК, НА СРЕДСТВА КОТОРОГО НА БЫВШЕЙ БАЗАРНОЙ ПЛОЩАДИ (сейчас городской парк) ИЗГОТОВИЛИ МОГИЛУ ДВУМ НЕИЗВЕСТНЫМ ВЕНГРАМ-ШАХТЕРАМ, РАССТРЕЛЯННЫМ КАРАТЕЛЯМИ. ВЕСНОЙ 1919 ГОДА БЫЛА СОЗДАНА КОМИССИЯ ПО РОЗЫСКУ ДАННЫХ ТОВАРИЩЕЙ. НО ПОИСКИ БЫЛИ БЕЗУСПЕШНЫМИ. ДВА ГРОБА С ХОРОШО СОХРАНИВШИМИСЯ ТЕЛАМИ ПОМЕСТИЛИ В ОСОБНЯКЕ ТОРГОВЦА СЫРОВА. БЫЛ УСТАНОВЛЕН ПОЧЕТНЫЙ КАРАУЛ. СОСТОЯЛИСЬ ТОРЖЕСТВЕННЫЕ ПОХОРОНЫ. А ПОСЛЕ СМЕРТИ В. И. ЛЕНИНА В 1924 ГОДУ НА МЕСТЕ МОГИЛЫ НЕИЗВЕСТНЫХ ТОВАРИЩЕЙ БЫЛ ПОСТАВЛЕН ПАМЯТНИК «ГЕРОЯМ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ».

А. БАРЫБИНА,
руководитель краеведческого кружка школы № 216,
Газета «Ленинский путь» № 77 от 9 октября 1965 года.

Отбиваясь от карателей, остаток отряда уходил к Мариинску. После длительного перехода остановились на отдых. В сумраке дымчатого лога загорел небольшой костер, осветив усталые хмурые лица.

— Разрешите достать мне мою скрипку и сыграть на ней,— обратился молодой венгр к командиру, а пожилой добавил:

— Разрешите.

Командир кивнул... Тихо зазвучала тонкая задумчивая трель... Музыка вливалась в сердце весенним журчаньем ручейка, хрустальным звоном распустившихся листочков, шепотом трав... Спокойно лилась мелодия... Взмахнул смычок, и звуки перешли в сурово свистящий ветер, в бушующую стихию. Опять вдруг замерли. Поплыли нежной трелью, словно гладь тихой речушки и... замолкли.

— Братцы!!—воскликнул молодой парень, оглядев сидевших,— а я ведь знаю, о чем пела эта скрипка-то! Это про наши места. Я из-под Щегловска,—объяснил он тихо и повторил:

— Братцы, ну, все чисто напомнила музыка-то: и колки-то наши березовые, и луга, когда они похожи на большой ковер из разноцветья... Весной подснежники с первоцветом расцветают... А медуницы синей! Ну, что тебе море... А вскоре будто тысячи оранжевых звездочек зажигаются на траве—это огонек зацвел... Ближе к лету распускается нежно-белая ветреница, розовая гвоздика, целые острова белой ромашки, красного клевера... А по краям луга золотит подмаренник, над лилово-голубыми колокольчиками бабочки порхают.—По-

молчал. Потом задумчиво продолжил:

— А в березняке! Тут тебе и пахучая герань, и золотистые венчики володушки, синие кукушкины слезки и бледно-розовые саранки, и царица летняя—сине-голубая астра... Трава по пояс у опушек росой сбрызнута, а в каждой бусинке росы смеется солнце... А запах-то! Запах!...

— Эва... Рассказываешь, как поешь,—растягивая слова, произнес человек, шагнувший к костру. Медленно вытасил головошку, прикурил и сказал ни к кому не обращаясь:

— А вы слышали, как музыка неслась, словно вода по валунам?... Вспенившимися бурунами билась о выступы скал, скользила по камням и срывалась водопадом. Эх! До чего верно музыка рассказала про нашу горную речку Кию-красавицу. Сначала хлопочет, пенится, шумит, пробиваясь между скал, а как выйдет на простор, разольется широким плесом и уходит лентой вдаль, скрываясь в лесистых берегах... Течет мимо причудливых белокаменных скал, похожих то на человека-великана, то на затейливый рыцарский замок. Редкая красота... Вода вся в блестящих от утреннего солнца, а весенняя даль над рекою, над тайгой, над береговыми лугами, над нашим поселком чуть-чуть сливается и прозрачна до боли в глазах...

Он привстал, протянул руку, будто река перед ним:

— И так эта даль необъятна, широка, величава и глубока... Ну, нету сил оторвать от нее взора.

Не долгой была тишина. Сидевший у самого костра с бердан-

кой на коленях, задумчиво промолвил:

— Однако, как музыка шумела, почудилось мне, будто ветер прошел по верхотуре деревьев; густо шумит тогда кедр... А то все больше про тишину пела скрипка... Это когда розовым покрывалом лежит цвет багульника и синий туман только начинает подниматься и уползает к вершине гольца, а ты идешь с ружьишкой и прислушиваешься, как просыпается разноголосье птиц...

Рассказчик подвинул шапку и, воодушевившись, продолжал:

— Если, однако, до восхода солнца идешь, то услышишь песню петуха тетерева: «Чшшш-шш-ф-ф-у-у!» А в густых ветвях кедра «Тэк-тэ-тэ-тэк». Это голос глухаря... В небе жаворонок. А как совсем солнцу пригреет, кукушка закукует. А вы слышали голос кукушки-девочки? Весело кукует она: «ку-ку-у-у, ку-ку-у-у». А кукушка-горемыка? Эта словно оплакивает кого, скорбно так: «Ку-ку-у-у, ку-ку-у-я», А кукушка-озорница «ккк-ку-у, ккк-ку».

Лица, озаренные костром, тронула усмешка, улыбка раздвинула губы, сгладила морщины, а рассказчик продолжал:

— Больше всего, однако, люблю соловья слушать, нашего сибирского варакушу: Ну, чистый разбойник. То разольется звонко, то вдруг защелкает трещеткой, задразнится, а то, как малец-сорванец, возьмет и освистит... Разбойник, однако.—И повернувшись к игравшему, спросил:

— Скажи, Янош, о чем была твоя песня, разбередившая души наши?

Янош задумчиво глядел в просвет между деревьями на клочок неба, затянутого черной дымкой и, казалось, совсем не слышал вопроса. Полулежавший рядом тихо сказал:

— Расскажи им, Янош, Расскажи, о чем пела твоя скрипка...

— Может, про дикую, могучую красоту Сибири, очаровавшую нас своей прелестью белых снегов, чистотой воздуха, запахом цветущей черемухи?... А может, про ту землю, где мы с тобой родились?... Про зеркальную гладь Балатона, в котором отражаются зелено-мраморные гроздья винограда... А может...— глаза его заискрились и голос зазвенел.— рассказывала, как мадьярские девушки лихо кружатся в буйном чардаше?

Ничего не успел сказать Янош.

Дозорные завязали перестрелку с карателями, вышедшими на след отряда. Пришлось вступить в бой. Схватка была жаркой. Лихо дрались красногвардейцы-шахтеры. Но врагов было больше. Немногим из отряда удалось уйти живыми...

В то же весеннее утро девятнадцатого года под дулами винтовок карателей, плечом к плечу стояли двое. Два борца за власть Советов, два борца за светлое будущее... Все светлее и ярче становилась голубизна неба... Выходило солнце, обрызгав лучами землю... Заиграло яркими, светлыми бликами на гривах деревьев, скользя на обгоревшей кровле, еще не сошедший снег, на котором лежали расстрелянные...

После ухода карателей жители тут же и похоронили неизвестных. И положили рядом разбитую скрипку...

Пролетели, прошумели годы гражданской войны. Годы грандиозныхстроек, первых пятилеток. Ушли годы, опаленные Отечественной войной. Годы и жизнь сделали мою походку медленной и тяжелой... Опираясь на трость, я прихожу в наш городской парк, моя скамейка стоит как раз напротив скромного серого памятника, поставленного здесь в двадцатом году—на могиле перенесенных сюда расстрелянных венгров-шахтеров. Посаженные тогда же серябряно-ствольные деревья теперь заслоняют кронами небо. Я прихожу сюда летним утром и слушаю, как шелестят деревья листвою, пропитанной ароматом смолы... Бриллиантовым осколком сверкает солнце сквозь зелень, и пробившийся луч играет всеми красками на сером обелиске. У его подножья всегда обилие цветов, букеты полевых ромашек, голубых незабудок и синих колокольчиков, нежных садовых гладиолусов, оранжевых лилий.

Я сижу до тех пор, пока не замолкнут голоса детей, играющих в парке, пока не зажжется гирлянда лампочек, светлой тропинкой протянувшаяся между высоких домов...

Я прихожу к памятнику, когда деревья начинают ронять золотые листья, и они, кружась, носятся желтым хороводом и, прикоснувшись к обелиску, ложатся у подножья на букеты осенних астр, георгинов и золотых шафиров.

Я прихожу и тогда, когда на белом искристом снегу проложены лишь узкие тропинки, а столбики кокетливо понадевали снежные шапочки, деревья, усыпанные блеском изморози, стоят в тихом безмолвии, опустив ветви, покрытые инеем. А у подножья памятника героям зеленеют вечно зеленые лапы ели, первитые искусственными цветами. На белом снегу они кажутся живыми и яркими, и долго разбушевавшаяся метель не может замести, забросать снегом зеленые ветви. Отступает зима... Оттаивая, голубеют деревья. Я прихожу в весенние дни слушать чистый, звонкий плеск капели, подышать горьковато-медовым запахом набухающих почек. Ранние подснежники, уже принесенные кем-то к памятнику, пахнут лесом. А в звуках пробудившейся природы мне чудится игра скрипки Яноша. Слышится в этих звуках топот коней, бряцание шашек, глухие щелчки стрелявших бердан. И от слов, что написаны на памятнике,—«Павшим героям...» несет пороховым дымом тех далеких лет...

Ветер качает ветви деревьев, и они словно метут дымчатые облака, плывущие по весеннему небу, очищая его до голубизны. Глядя на этот мир и спокойствие, хочется читать стихи. И они действительно приходят на память.

... из сада, из лесу цветы
Старцы несут, несут им дети,
За то, что правда и мечты
Живут. И солнце ярко светит.

Редактор Н. Т. ТРУШИН